

8 ДЕК 1977

МОСКОВСКАЯ ПРАВДА
Г. МОСКВА

Театр

ПЕРВЫЕ ГАСТРОЛИ В МОСКВЕ ТАЛВЕЛА ПОЕТ ГОДУНОВА

Голос в телефонной трубке пророкотал коротко и мощно: «Талвела». Мы договорились о встрече, и потом, в номере «Метрополя», я в течение часа слушал этот удивительный голос. Порой он менял окраску, становился бархатистее, нежнее, но был все так же крепок, как и положено басу. Мартти Талвела — выдающийся оперный певец нашего времени. До выхода на сцену Филиппа в «Дон Карлосе» оставались сутки, но на артисте уже ладно сидел черненький камзол герцога: он входил в роль. Пышная окладистая борода, явно не вышедшая из-под рук гримера, очень подходила к его двухметровому росту. А накануне ее словно ветер разметал по сцене Большого театра: Талвела пел царя Бориса.

— «Борис Годунов» — ваша любимая опера?

— Любимая? Знаете, я

пел более чем в 150 операх, разве скажешь, какая любимая! Может быть, «Чертова невеста» Сметаны, которую я сейчас готовлю. Но «Борис Годунов», безусловно, сложнейшая. Я выступаю теперь в ней 10 раз в год, потому что это очень тяжелая физическая и умственная нагрузка. Раньше мне казалось, что, если спеть ее 100 раз, заболел бы либо сойdessь с ума. Я был царем Борисом 164 раза и пока здоров, как видите.

А вот Мусоргский действительно один из самых любимых моих композиторов. В его музыке есть все, что хотите: для голоса, для драматической игры. С большим удовольствием пою Досифея в «Хованщине». В эти дни в Ленинграде я выступал и с концертной программой, в ней был цикл Мусоргского «Песни и пляски смерти». И романсы Рахманино-

ва. Помните, «Здесь хорошо...».

— О, вы поете по-русски!

— И даже говорю, хотя с трудом. Но петь уж обязательно стараюсь на языке оригинала. Кстати, и оперу, впервые в жизни я слушал по-русски: мне было 25 лет, я оказался в Хельсинки, когда туда приехал из Москвы Иван Петров. Это было незабываемое впечатление.

— Принято считать, что в 25 лет уже поздно начинать учиться пению.

— Как видите, моя история это опровергает. Сейчас мне 43 года, и я не считаю, что поздно начал. Да и потом крестьянину, а я вырос в деревне, не до оперы.

— Мартти, вашего Бориса москвичи приняли с восторгом. Как вам поется у нас? Я слышал, в Ленинграде журналисты вытащили вас, разгоряченного после репети-

ции, на площадь фотографироваться и вы простудили горло?

— Знаете, я беседовал со многими журналистами, и никто не был виноват в моих простудах. Но с голосом дела действительно неважные, через полчаса визит к врачу, от этого многое зависит. Возможно, завтрашнего спектакля и не будет: я хочу петь только хорошо.

Я пожелал ему, конечно, чтобы все обошлось с этой простудой, и спросил напоследок, как он относится к звонкому титулу «финский Шаляпин»?

— Если вы скажете это еще раз, мы поссоримся. Шаляпин был великим певцом и неповторимым. Зачем его копировать? Я предпочитаю быть финским Талвелой.

«Дон Карлос» все же состоялся, и зал Кремлевского

Дворца съездов наградил певца восхищенными аплодисментами. Первые гастроли в СССР завершены. Московским слушателям, которые теперь с нетерпением ждут его следующего приезда, могу сказать, что Талвела постарается летом снова петь в Москве.

Г. ОРЕХОВ.

83